

Maја Wsiewołodowa

Концептосфера языка и парадигма предложения как tertium comparationis

Acta Polono-Ruthenica 1, 193-199

1996

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Maja Wsiewołodowa
Moskwa

Концептосфера языка и парадигма предложения как *tertium comparationis*

Сопоставительное описание языковых, литературоведческих и культурологических объектов получило в последнее время твердую научную основу - понятие концептосферы, позволившее не только сблизить языковые, литературоведческие и культурологические исследования в силу их антропоцентрического характера, но и от фиксации фактов перейти к их объяснению. С большой долей уверенности можно предположить, что концептосфера каждого народа глубоко индивидуальна. Столь же уверенно можно предположить, что концептосфера так или иначе структурирована и охватывает все области человеческого сознания и бытия, в том числе и все уровни языка. Вероятно, стремление прояснить характер структурированности концептосферы в принципе и специфику структуры каждой отдельной концептосферы, в том числе концептосферы каждого языка, в нашем случае польского, русского, белорусского и украинского языков, может в ближайшее время определить направление научного поиска и придать ему некоторый новый смысл.

В силу своих научных интересов я в большей степени связана с собственно концептосферой языка и могу предложить свои некоторые первичные наблюдения, выдвинув несколько предложений относительно отдельных ее фрагментов.

Несомненно, что одной из важнейших структур концептосферы каждого языка является его лексика. В своей известной статье 1993 года Д.С. Лихачев¹ отметил, что в концептосфере русского языка за последние 70 лет образовались лакуны, в частности, за счет лексики, связанной со сферой духовности: эта лексика была изгнана из

¹ Д.С. Лихачев. *О концептосфере русского языка*, „Известия РАН, серия литературы и языка”, Москва 1993, № 1.

всеобщего употребления, и, вероятно, это наложило свой отпечаток и на языковое сознание, а, может быть, и на менталитет последних трех поколений русских. Но я хотела бы остановиться на других вопросах.

Недавние, в высшей степени интересные лингвистические работы, в частности, Е.С. Яковлевой², показали, что в языке можно выделить слова концептуально значимые и слова неконцептуальные. Набор этих концептуальных слов в каждом языке специфичен. Так, в русском языке концептуальными оказались названия кратких отрезков времени: **Минута, момент, мгновение**, а также **час** и **пора**. Сопоставления показали, что для английского языка первой концептуальной временной единицей является **час - hour**; поэтому в русских переводах Шекспира и Бернса их „часам” часто соответствуют наши „мгновения”. Различна концептуальная значимость этих слов в русском и польском языках. Весной этого года в Москве польским поэтом и переводчиком Вальдемаром Гаевским была защищена кандидатская диссертация об эволюции переводов Пушкина на польский язык.³ В ответах на вопросы диссертант проиллюстрировал перевод пушкинского *Я помню чудное мгновенье* двумя вариантами: „Pamiętam, było zachwycenie” и: „Pamiętam cud”. Согласитесь, что пушкинский ритм здесь чувствуется. Но на вопрос, а почему же не использован эквивалент русского слова „мгновение”, диссертант ответил, что такие переводы были, но они формалистичны и не передают духа пушкинского стиха. И вообще он не понимал, почему для нас так важно это слово, поскольку, чтобы почувствовать Пушкина, поляку это слово не нужно. Его нельзя винить: в его пресуппозиции отсутствуют сведения о концептуальности этого слова, мы же это чувствуем интуитивно.

Пушкин (как, вероятно, и всякий русский) помнит время, и не просто время, а время космологическое, отличное от времени, названного словами „момент” и „минута”, которые совершенно невозможны в этом контексте. Я не знаю, какое немецкое слово употребил Гете в своем *Фаусте*, но на русском языке роковое воскли-

² Е.С. Яковлева, *Фрагменты русской языковой картины мира. Пространство. Время. Восприятие*, Москва 1994.

³ В. Гаевский, *Эволюция способов перевода произведений А.С. Пушкина на польский язык с пушкинских времен до наших дней*, Москва 1995.

цание Фауста звучит так: „Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!...” В отличие от русского восприятия, в восприятии польском, очевидно, важнее оказывается не время, а чувства, впечатление. Интересно, что о своих конкретных чувствах типа „восхищение” или о впечатлениях типа „чудо” Пушкин не говорит ни слова. Слова „ока mgnienie”, „mgnienie oka” не несут, судя по всему, той концептуальной нагрузки, какую несет слово „мгновение” в русском языке. И этим, мне кажется, можно объяснить недооценку Пушкина на Западе: его произведения построены на концептуально значимых словах; ценность его для нас не в сюжетах, а в языке; не о чем, а как - об обычном. И эта концептуальность, которая вызывает мощные обертоны в русской душе, не может быть адекватно услышана при переводе на другой язык: обертоны не возникают.

Можно сопоставить поэзию Есенина и Брыля на предмет употребления цветообозначения в их стихах. Но если нам не известен концептуальный статус названий тех или иных цветов в русском и белорусском языках, то сопоставление ограничится фиксацией различий и не выйдет на уровень объяснения и понимания этих различий.

Концептосфера не исчерпывается лексикой и не сводится к ней. Всех „этажей” ее структуры мы пока не знаем. Можно предположить, что концептосфера теснейшим образом связана с семантическим пространством данного языка, включающим не только диктумные, но и модусные смыслы. Первоначальный, хотя и очень скромный анализ семантического пространства разных языков в принципе у нас уже есть. Он охватывает - на данном этапе - либо системы значений некоторых категорий (пространства, времени, причины), либо некоторые грамматико-лексические поля, как, например, поле перемещения в пространстве, и в частности - на уровне средств выражения - предложения, сформированные глаголами движения. В этом фрагменте славянские языки разнятся между собой относительно слабо, но зато концептуально противопоставлены многими чертами другим, причем совершенно разнотипным языкам, начиная от романо-германских и кончая языками юго-восточной Азии.

Совершенно не разработанным представляется мне тот фрагмент семантического пространства языка, который обслуживается собственно предложениями, всей их совокупностью. Причем наи-

более интересным представляется совокупность модусных и концептуальных смыслов. Традиционная грамматика дала нам четкую классификацию предложений по их формальным признакам, что, однако, не позволяет еще проникнуть в их смысл и содержание. Функционально-коммуникативный подход позволяет сблизить на основе единства денотативного содержания модели разных классов, чтобы выявить их сигнификативные различия, например: **Я завтра уезжаю, Мне завтра уезжать, Мой отъезд - завтра.** А практика русского языка как неродного, на основе которой сформировалась педагогическая прикладная модель функционально-коммуникативного синтаксиса, убеждает нас в необходимости рассмотрения всех модификаций и трансформов, выражающих одно и то же денотативное содержание, в их совокупности. Весь комплекс таких вариаций можно объединить в парадигму предложений, употребляя слово „парадигма” в широком смысле, включая в объем этого понятия не только внутри -, но и межмодельные преобразования. Введенное Г.А. Золотовой понятие изосемической конструкции позволяет выявить в каждой такой парадигме исходную модель.⁴ Так, для предложений: **Россия - многонациональна, Россия - это много/множество национальностей** - исходным будет предложение: **В России живет много национальностей**, т.е. изосемическая изоморфная конструкция. Парадигма представлена двумя большими классами.

1. Собственно синтаксическая парадигма - это синтаксическое поле Г.А. Золотовой, включающее грамматические, структурно-семантические и др. модификации, представляющие, в первую очередь (но не только), внутримодельные преобразования. Ввиду широкой общеизвестности я не буду иллюстрировать этот класс, но отмечу, что и здесь возможны интересные сопоставления. Так, русский и поляк для передачи одного и того же события выберут разные модификации: русский - утвердительную: **Отец умер**, а поляк - отрицательную с антонимичным глаголом: **Ojciec nie żyje**. Думается, что это отражение разных концептов.

⁴ Г.А. Золотова, *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*, Москва 1982.

2. Коммуникативная парадигма, представленная двумя подклассами.

1. Подкласс актуализационных модификаций - вариаций исходного предложения, то есть ряд типа: **В России живет много национальностей, В России национальностей живет много, Живет в России много национальностей, Национальностей в России живет много, Много национальностей живет в России, Много национальностей живет, например, в России.** Заметим, что изменение линейно-интонационной структуры в каждом случае детерминировано дискурсом. Типология таких модификаций для русского языка определена.

2. Подкласс интерпретационных модификаций - синонимических межмодельных перефразировок, трансформаций. Этот подкласс имеет свою структурированность, свою типологию, внутреннюю организацию синонимических межмодельных трансформов, на которой я не буду здесь останавливаться. Отмечу только, что основными типами перефразировок являются: а) предложения с описательными предикатами типа: **Маша скромная, Маша отличается скромностью / Маше свойственна скромность; Россия многонациональная, Россия характеризуется многонациональностью; Петр рисует, Петр занимается рисованием; Он мне помог, Он оказал мне помощь;** б) конверсивы, то есть предложения с измененным направлением отношений в предикативной паре: **Маша отличается скромностью, Машу отличает скромность; Я восхищаюсь стихами Пушкина, Меня восхищают стихи Пушкина; В реке кишит рыба, Река кишит рыбой; Россию населяет много национальностей, Россия объединяет много национальностей;** в) собственно синонимические перефразировки, связанные с изменением ракурса подачи ситуации, что достигается в первую очередь выбором соответствующей модели предложения со своим типовым значением (ТЗ). Так, изосемическое предложение **В России живет много национальностей** с ТЗ „место и его характеристика по наличествующему в нем предмету” можно трансформировать в предложение, построенное по модели типа **Маша красивая** с ТЗ „субъект и его качественный признак”: **Россия многонациональна**, или по модели с описательным предикатом: **Россия характеризуется / отличается многонациональностью,**

или по конверсной модели: **Россию характеризует / отличает многонациональность**, или, наконец, по модели: **Отец - учитель с ТЗ „субъект и его квалификативный признак”**: **Россия - это много/ множество национальностей, Характерная черта России - многонациональность** и т.п. Понятие такой парадигмы, как мне кажется, может служить надежным *tertium comparationis* при изучении как собственно синтаксического потенциала сравниваемых языков, так и для сопоставления возможных в каждом данном языке концептуальных установок при передаче того или иного диктумного содержания. Уже сопоставление ядерных, исходных моделей парадигмы может дать интересный материал для размышлений.

Так, в русском языке для выражения данного положения дел есть две ядерных модели:

1. Изоморфная изосемическая бытийная конструкция: **В России живет много национальностей.**

2. Изосемическая конструкция с валентным, то есть специализированным глаголом: **Россию населяет много национальностей.**

Более частотной и более системной в узусе является первая, бытийная модель, то есть русский передаст данный смысл через пространственные отношения. Какой вариант предпочтет поляк при передаче того же содержания? Думается, что-нибудь вроде: **Rosja jest zamieszкана przez wiele / wielką liczbę narodowości**; то есть будет выбран вариант, передающий состояние субъекта как результат некоторого события. Несомненно, что синонимико-вариативные ряды в каждом языке окажутся различными. Поскольку выбор модели, с моей точки зрения, концептуально детерминирован, то он отнюдь не случаен: он отражает некоторые характерные для носителей данного языка способы отражения действительности. Проведем небольшое сопоставление.

И в русском, и в польском языках имеется модель с ТЗ „субъект и его характеристика по качеству производимого им действия”: **Малыш читает бегло. Она прекрасно поет.** Ср. польск. **Maluch czyta płynnie.** Первой возможной в русском языке трансформацией является модель с ТЗ „субъект и его неотторжимый признак” типа: **У малыша голубые глаза**, то есть трансформ **У малыша - беглое чтение.**

В польском языке коррелятом русской модели с ТЗ „субъект и его неотторжимый признак” является модель типа: **Maluch ma niebieskie oczy**. Возможен ли в польском языке трансформ **Maluch ma płynne czytanie**? Следующий трансформ - актуализационная модификация этой модели типа: **Глаза у малыша голубые. Чтение у малыша беглое**. Соответственно в польском это предложение типа **Oczy maluch ma niebieskie**. Возможен ли вариант: **Czytanie maluch ma płynne**? Следующий трансформ может быть построен по модели с ТЗ „субъект и его квалитативный признак” - **Маша красивая**, то есть: **Чтение малыша - беглое**. Польский коррелят основной модели **Maryla jest ładna / piękna**; возможен ли трансформ **Czytanie malucha jest płynne**? Далее возможна перефразировка этой модели с описательным предикатом типа **Маша отличается красотой**, и ее конверсное представление: **Машу отличает красота** то есть трансформы: **Чтение малыша отличается беглостью** и **Чтение малыша отличает беглость**. Каковы возможные польские корреляты: **Czytanie malucha wyróżnia się płynnością**? **Czytanie malucha wyróżnia płynność**? Вполне возможно, что в польском языке актуальны трансформы, построенные по образцу других, нежели в русском языке, моделей, то есть польское языковое сознание выберет другие концепты возможного представления данного события. Выявить и словесно сформулировать эти национально детерминированные концепты предложений - в высшей степени интересная задача современной лингвистики.